

**А.Н. Островский в значении
Русского драматурга: из
критической литературы об
Островском**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 А.Н. Островский в значении Русского драматурга: из критической литературы об Островском / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 396 с.

ISBN 978-5-517-96542-4

ISBN 978-5-517-96542-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Островскій передъ судомъ нашихъ критиковъ-резокеровъ *).

Буало сказалъ, а мы повторяемъ, какъ неопровержимую истину, что «la critique est aisée, mais l'art est difficile», даже и не замѣчая, что русская критическая литература представляетъ собою явленіе прямо противоположное. Русское современное искусство, такъ или иначе, все-таки движется, производитъ кое-что, между тѣмъ какъ критика находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ беллетристикѣ у насъ есть крупныя дарованія, первоклассные писатели; даже поэты еще не перевелись. Въ живописи есть таланты, обращающіе на себя вниманіе Европы; даже музыка наша питаетъ нѣкоторыя надежды на обновленіе и живую струю. Одна только критика въ жалкомъ состояніи; по отношенію къ музыкѣ она приняла какой-то задорный тонъ, ничѣмъ не оправданный и ничего не доказывающій; художественная рецензія представляется еще болѣе печальною, и одна только литературная критика что-то лепечетъ дѣтски-элементарное, незрѣлое. Очевидно, критика находится въ какомъ-то безпомощномъ состояніи, бросается въ разныя стороны, пробавляется общими фразами и пустыми тирадами. Во время оно русское эсте-

---

*) Изъ „Голоса“ 1875 г., № 86. Критич. комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго, В. Земискаго. Ч. 5. Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго, Н. Демисюка. Вып. 4.

тическое сознание имѣло крупную умственную организацию въ лицѣ Бѣлинскаго, который, несмотря на свои промахи, былъ необыкновенно полезенъ нашему умственному развитію. Кто же изъ нашихъ резонеровъ можетъ заступитъ мѣсто Бѣлинскаго? Теперь нѣтъ мало-мальски выдающагося критическаго ума, и современная критика бьется, какъ рыба объ ледъ, въ заколдованномъ кругу пережевыванья прежде добытыхъ понятій. Не имѣя ничего новаго сказать отъ себя, наша критика то и дѣло принимается «перерѣшать» старые вопросы на новый ладъ. Мы разъ пять принимались перерѣшать вопросъ о Гоголѣ и все-таки еще не перерѣшили; въ настоящую минуту также мы поступаемъ и съ Островскимъ, который почему-то никакъ не дается русской критикѣ, и каждый разъ, когда эта критика приступаетъ къ «перерѣшенію» Островскаго, она роковымъ образомъ начинаетъ лепетать что-то владное. Точно не судьба понять ей Островскаго.

Одно изъ такихъ перерѣшеній, и, вѣроятно, не послѣднее, представляетъ собою статья г. Языкова «Безсиліе творческой мысли» въ февральской книжкѣ «Дѣла». Печальна, какъ подумаешь, судьба Островскаго! Всѣ-то его читаютъ, всѣ-то о немъ разсуждаютъ, а никто понять не можетъ! По поводу его было нѣсколько перерѣшеній: то считали его великимъ поэтомъ «темнаго царства», то говорили, что талантъ его эпическій, но ничуть не драматическій, то, наконецъ, соглашались, что Островскій—одинъ изъ замѣчательныхъ драматическихъ писателей послѣ Гоголя. Теперь г. Языковъ, принимаясь снова за Островскаго, рѣшаетъ, что онъ просто поэтъ російскаго самодурства, что онъ обличаетъ совершенное безсиліе творческой мысли, а по поводу народнаго языка Островскаго обзываетъ его краснокожимъ дикаремъ. Перерѣшеніе, какъ видите, далеко не въ пользу Островскаго.

Подробуйте, говорить авторъ, перевести Островскаго, или, скорѣе, его исключительно бытовья пьесы на французскій или нѣмецкій языкъ, и посмотрите, что отъ нихъ останется. Прежде всего вамъ станетъ поперекъ дороги именно тотъ народный языкъ, который составляетъ ихъ достоинство и соотвѣтственныхъ словъ которому вы не найдете ни въ одномъ лексиконѣ, потому что не найдете у западныхъ народовъ понятій того же цвѣта и вида. Но, откинувъ форму и переведя языкъ героевъ Островскаго на общечеловѣчскій языкъ, выразите ли вы такимъ переложеніемъ своего на чужое общепонятную идею? Мысль, освобожденная отъ окраски, которую ей даетъ тонъ и строй русской души, останется ли тою на французскомъ языкѣ, какою она представляется намъ, русскимъ? Конечно, нѣтъ, по мнѣнію автора. Высказанная общечеловѣчскимъ языкомъ, она поразитъ васъ именно своимъ ничтожествомъ; передъ вами разоблачится скудость и бѣдность мышленія и вся ничтожность необыкновенно бѣднаго и немногосложнаго діалектическаго процесса.

Это, прежде всего, неправда. «Гроза» Островскаго переведена на французскій языкъ, и отзывъ лучшаго французскаго критика, Франсуа Сарсэ, показываетъ, что драма Островскаго ничего не потеряла въ переводѣ. Сарсэ отлично понялъ достоинства драмы и положительно утверждаетъ, что французская драматическая литература представляетъ мало пьесъ, написанныхъ такъ талантливо. Мы имѣемъ, сверхъ того, французскій переводъ «Ревизора», и можно увѣрить г. Языкова, что въ переводѣ «Ревизоръ» почти такъ же хорошъ, какъ и въ оригиналѣ, что, впрочемъ, и сообразили «невѣжественные» французы.

Островскій, по мнѣнію г. Языкова, принадлежитъ къ представителямъ той народности, на міросозерцаніи которой не лежитъ печати общихъ идей. Это міросозерца-

не традиционное, такъ сказать, изъ себя, а потому всегда мелкое, неясное, живущее больше безсознательнымъ чувствомъ, чѣмъ ясными мыслями. Въ этомъ мірѣ чувствъ всегда есть что-то черноземно-аввакумовское, своеобразно-бытовое, лишённое психическаго интереса. Народное художественное творчество даетъ только типы, но оно никогда не даетъ людей (?); и ему неизвѣстенъ общій, средній человѣкъ (?); оно даетъ намъ почувствовать своеобразную односторонность русской души, но не отражаетъ души вообще, съ ея общечеловѣческими, понятными всѣмъ процессами. Говорить ли оно о любви—вы чувствуете любовь какую-то особенную, но не такую, какъ у всѣхъ людей; даетъ ли оно ненависть, и ненависть оказывается тоже своеобразно-типическою. Деспотизмъ, доброта, благородный порывъ, страсть, радость, горе, счастье, несчастье,—словомъ, вся душевная жизнь людей, создаваемая этимъ художественнымъ творчествомъ, всегда особенная, всегда оттягиваемая узкою и ограниченою мыслью куда-то внизъ, назадъ, въ былые времена и нравы. Въ извѣстной внѣшней обстановки это творчество утрачиваетъ всю свою ясность, жизненность и смыслъ, и потому оно такъ сильно своимъ дагеротипнымъ, портретнымъ характеромъ.

Г. Языковъ очень не любитъ такъ называемой имъ народной художественности, а его пристрастіе къ резонерству приводитъ къ обобщеніямъ весьма проблематическаго свойства. По его мнѣнію, напримѣръ, изображая народность некультивированную, застывшую, строгую по своей внѣшней формѣ, народная художественность прежде всего держится внѣшними мелочами, миниатюрными подробностями, но въ то же время она набрасываетъ свой рисунокъ большою кистью и крупными, рѣзкими штрихами. Мелочи этой художественности нужны для фотографичности внѣшняго обычая; крупными же штрихами рисуется внутренній психиче-

скій міръ, тотъ бѣдный міръ, въ которомъ безплодно искать высшихъ психическихъ моментовъ, оттѣнковъ и подробностей, анализа и діалектическаго развитія мысли и чувства. Въ первомъ случаѣ зрителю не позволяется ни о чемъ догадываться; ему дается опредѣленная, ясная картина, гдѣ все стоитъ твердо на своихъ мѣстахъ, все имѣетъ строго выработанную фізіономію. Подобная строгая опредѣленность имѣетъ полное, законное и логическое основаніе, такъ какъ бытовое творчество фотографируетъ прежде всего застывшій обычай, точный во всѣхъ его мелочахъ и подробностяхъ, можетъ-быть, когда-нибудь и имѣвшихъ свой прогрессивный смыслъ, но утратившихъ его по мѣрѣ того, какъ застывшая форма вытѣсняла собственное содержаніе. И вотъ, именно для того, чтобы не поставить себя въ затрудненіе при изображеніи этого содержанія, бытовое творчество не отваживается внѣдряться въ анализъ психическихъ процессовъ застывшаго быта, рисуетъ его внутреннее содержаніе такими крупными штрихами, что представляется каждому зрителю и читателю полнѣйшій просторъ чувствовать героевъ по-своему, надѣлять ихъ собственнымъ душевнымъ содержаніемъ, пожалуй, даже чувствовать и понимать совсѣмъ не то, что онъ чувствуетъ и понимаетъ.

Всю эту теорію г. Языковъ подтверждаетъ ссылками на новѣйшую психологію, приводитъ довольно проблематическую теорію ума и призываетъ къ себѣ на помощь чуть ли не всѣхъ новѣйшихъ авторитетовъ. Во всемъ этомъ поражаетъ удивительная смѣсь отрывочнаго знанія съ сознательнымъ искаженіемъ логическаго теченія мысли, и все это для того, чтобы доказать бессодержательность Островскаго. Но, оставляя въ сторонѣ оцѣнку собственно Островскаго, развѣ Катерина (въ «Грозѣ») или воспитанница представляютъ одни только элементарные психическіе процессы? Развѣ западныя

литературы, наиболѣе богатая, наиболѣе развитая, пренебрегаютъ элементомъ народности? Развѣ Диккенсъ и Тэкерей (чтобъ говорить только о писателяхъ, наиболѣе у насъ популярныхъ) не разрабатывали, подробно и тщательно, народность некультивированную, застывшую? Развѣ внѣшняя отдѣлка мелочей и подробностей обычая мѣшаетъ хотя бы Стендалю или Мериме разрабатывать самымъ тщательнымъ образомъ внутренній психическій міръ? Г. Языкову понадобилось доказать безсодержательность Островскаго, и вотъ онъ строитъ проблематическую теорію, не основанную ни на какихъ точныхъ фактахъ и до такой степени туманную, жидкую, что она ничего собственно не объясняетъ. Можетъ-быть, и доказана безсодержательность Островскаго, но зато выступаетъ осязательно и фальшь теоріи, придуманной исключительно для извѣстной цѣли. Авторъ нѣсколько разъ возвращается къ тому, что писатель долженъ думать прогрессивно; но въ чемъ должна заключаться эта прогрессивность и почему она необходима—это остается въ туманѣ. Одно только ясно: Языковъ не любитъ типовъ и требуетъ, чтобы писатель представлялъ намъ какого-то «средняго человѣка». Одно это требованіе показываетъ уже все безсиліе его критической мысли. Можно понимать до извѣстной степени «среднюю цифру», какъ извѣстный научный приѣмъ, употребляемый въ статистикѣ, но, воля ваша, трудно понять живого «средняго человѣка». Средняя цифра важна въ статистическихъ выводахъ не потому, что она даетъ фактическій результатъ, а потому, что она приводитъ къ обобщенію, годному для научныхъ цѣлей; средній же человѣкъ рѣшительно ни на что не годенъ ни въ жизни ни въ искусствѣ. Искусство—не наука, тѣмъ болѣе не статистика; наука не только можетъ, но и должна изъ извѣстнаго ряда частныхъ явленій вывести общую формулу, законъ; искусство, какъ разъ

наоборотъ, не только не можетъ, но и не должно пользоваться природою и жизнью для какого-то отвлеченія природы и жизни. Съ этой точки зрѣнія искусство превратится въ какое-то туманное, безсодержательное резонерство и будетъ бесѣдовать о какомъ-то среднемъ человѣкѣ, котораго нѣтъ и который, логически и фактически, не существуетъ. Это такая философская и научная ересь, такое дѣтское заблужденіе, о которомъ не стоитъ серьезно говорить. Искусство имѣетъ дѣло не съ обобщеніемъ жизни, а съ самою жизнью; его обязанность—рисовать живыхъ людей, а не искусственно создавать какихъ-то среднихъ людей, которыхъ не встрѣтишь ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ Англии. Мы имѣемъ право ставить искусству одно только требованіе: оно должно быть конкретно, должно отражать жизнь во всей ея сложности, во всемъ ея разнообразіи, оно должно быть носителемъ идей и чувствъ своего времени. И только. Вы можете, сколько хотите, негодовать на мистицизмъ и абсолютизмъ Бальзака, тѣмъ не менѣе Бальзакъ останется величайшимъ романистомъ XIX-го столѣтія, не потому, что онъ защищалъ абсолютизмъ и поклонялся репрессивнымъ мѣрамъ правительства Карла X-го и что вѣрилъ въ какой-то сверхъестественный міръ, а потому, что въ немъ необыкновенно ярко отразились всѣ особенности жизни двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ во Франціи.

Но и эта проблематическая теорія развита г. Языковымъ туманно и бездоказательно. Гораздо опредѣленнѣе выразилъ ее недавно «Заурядный читатель» *), заявившій о своей солидарности съ г. Языковымъ. Рѣшительно, наши критики начинаютъ преслѣдовать типъ. Этотъ критикъ весьма глубокомысленно объясняетъ, что типъ есть то, въ чемъ люди сходятся; характеръ

---

*) Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“.

же, напротивъ, есть рядъ такихъ индивидуальныхъ особенностей, которыми человѣкъ отличается отъ своихъ ближнихъ. Нашъ критикъ, отыскавъ эту глубоко-мысленную идею, торжествуетъ и спрашиваетъ художниковъ и другихъ критиковъ: «Какая существенная разница заключается между типомъ и характеромъ? Ну-ка, скажите... Не скажете, а вотъ я такъ знаю!» Нѣтъ, не знаете. Типъ совсѣмъ не то, въ чемъ люди сходятся, и характеръ не то, въ чемъ они разнятся другъ отъ друга. Этакъ, пожалуй, придется сказать, что у Матрены и Петра одинъ и тотъ же характеръ, потому что оба любятъ браниться и оба изрѣдка посѣщаютъ кабакъ. Исходя изъ этого «глубокомысленнаго» опредѣленія, «Заурядный читатель» торжествуетъ и спрашиваетъ художниковъ и критиковъ: «А приходило ли вамъ въ голову, что чѣмъ выше поднимается уровень образованности въ качественномъ отношеніи и чѣмъ ниже дѣлается глубина его въ количественномъ (т.-е. относительно образованности въ болѣе и болѣе низкихъ слояхъ общества?), тѣмъ болѣе уничтожаются въ обществѣ типы, и на счетъ ихъ развиваются характеры». Какая странная, тяжелая фраза: «ниже глубина»! Но мысль, заключающаяся въ этой фразѣ, наивно-фальшива; она обнаруживаетъ крайне малое знакомство съ европейскими литературами. Критикъ, видите ли, предполагаетъ, что европейскія литературы давно уже (съ возрожденія) оставили разработку типовъ, а разрабатываютъ только характеры, такъ какъ уровень образованности выше. Онъ, очевидно, вовсе не знакомъ, на примѣръ, съ тѣмъ же Бальзакомъ, котораго слава заключается въ типѣ буржуа, журналиста, ремесленника, мелкаго чиновника, публичной женщины, свѣтской дамы; онъ не знаетъ, что Скопенъ Мольера и Фигаро Бомарше—типы; онъ забылъ, что у Диккенса и Тэккерея встрѣчается множество типовъ. Западная ли-

тература прямо противорѣчитъ всѣмъ заключеніямъ «Зауряднаго читателя». Джонъ Стюартъ Милль, котораго, конечно, трудно обвинить въ невѣжествѣ, приходитъ въ своемъ «On liberty» къ печальному заключенію, что западно-европейская цивилизація стремится къ китаизму, что индивидуальныя особенности стираются, разнообразіе характеровъ уменьшается, и что люди начинаютъ группироваться въ нѣсколько общихъ типовъ, что западно-европейская цивилизація чѣмъ больше развивается, тѣмъ больше обнаруживаетъ стремленіе къ подавленію индивидуальных особенностей. Лафонтенъ, по общему сознанію, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ, не только Франціи, но и всего міра, по преимуществу разработывалъ не характеры, а типы, хотя и принадлежалъ къ самой цивилизованной націи. Тѣмъ, также не изъ послѣднихъ критиковъ современной Европы, написавъ дѣльную книгу о Лафонтенѣ, три четверти этой книги посвятилъ анализу типовъ Лафонтена. Между прочимъ, онъ говоритъ :

«Мнѣ стоило только сгруппировать отдѣльныя черты въ басняхъ Лафонтена, чтобъ воскресить предъ вами все общество. Теперь мы знаемъ условія жизни, характеръ, языкъ; мы видимъ одежду, жилища; мы слышимъ голосъ, мы слѣдимъ за движеніями души; мы знаемъ этихъ людей, и интересуемся ими. Совершенно невольно, читая Лафонтена, вы сердились, презирали, радовались, волновались; Лафонтенъ велъ насъ въ Версаль; мы видѣли Людовика XIV-го въ царскомъ одѣяніи, царедворцевъ, униженно кланяющихся въ передней, аристократовъ, дрожащихъ за свои синекюры, буржуа въ ихъ конторахъ и ратушѣ, кюре въ церкви, крестьянина за тяжелой работой. Развѣ вы не видѣли всего этого? Наша голова была полна формъ, цвѣтовъ, звуковъ, движеній; зрѣлище живыхъ страстей возбуждало въ насъ живыя страсти... Вотъ первая заслуга поэзіи; ей дается идея—она дѣлаетъ человѣка; ей даютъ рамку—она создаетъ картину. Но какую картину? Это не просто живыя отдѣльныя лица, Петръ или Павелъ, это—типы».

Таково мнѣніе европейскихъ авторитетовъ. Вотъ какъ опасно бываетъ обобщеніе, когда въ основѣ его не лежить точное знаніе, и когда человѣку, во что бы то ни стало, хочется блеснуть глубокомысліемъ.

Съ нашею современной критикой такіе пассажи случаются нерѣдко. При необыкновенной прыти къ обобщеніямъ и резонерству, нашей критикѣ не достаетъ хоть бы кое-какого систематическаго знанія; наши критики хотятъ до всего своимъ умомъ дойти, и потому-то они такъ медленно подвигаются впередъ. А имъ къ тому же приходится объяснить публикѣ такія сложныя явленія, какъ творчество того или другого писателя. Какъ тутъ быть? Надо же придумать для собственнаго обихода какую-нибудь теорію типовъ и характеровъ, такую теорію, отъ которой пришелъ бы въ ужасъ, на примѣръ, Тэнъ, если бъ ему ее показали, и которая приводитъ къ комическимъ выводамъ, о которыхъ, конечно, не догадываются авторы. Заурядный русскій критикъ говоритъ вамъ, на примѣръ, что типъ есть то, въ чемъ люди другъ на друга сходятся, а характеръ, какъ разъ наоборотъ,—то, въ чемъ люди другъ отъ друга отличаются; что типы разрабатываются литературами народовъ, находящихся на низшей степени образованности. Онъ и не догадывается, что типъ и характеръ—понятія не противоположныя, а разныя, что они могутъ встрѣчаться въ одномъ лицѣ, точно такъ же, какъ могутъ существовать отдѣльно, смотря по внѣшнимъ условіямъ, какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни, и преобладаніе типа или характера въ литературѣ или въ жизни нисколько не ведетъ за собою повышенія или пониженія уровня образованности. Типъ, какъ извѣстное соціальное явленіе, одинаково необходимо при всякой цивилизаціи, при всякомъ уровнѣ образованности, и даже, съ извѣстной точки зрѣнія, можно утверждать, что цивилизація благоприятствуетъ раз-